

Г. А. Гуковский, исчезает под кистью Заболоцкого. Вместо «щуйки с голубым пером» и «багровой ветчины» — «багровый слизняк мяса», вместо восторженности домовитого хозяина — отталкивающие описания «кровавого искусства жить», от которого в ужасе отшатывается поэт:

Багровым слизняком повисло мясо —
Тяжелое и липкое... Едва
Его глотает бледная вода,
Полощет медленно и тихо розовеет. ¹⁹

Зрение Заболоцкого было избирательным. «Бутылочный рай» пивной, рынок — пристанище калек и гадалок, затопленные «взорванной грязью» окраины у Обводного канала, затхлые дворы, преобразенные в сцену для бродячих музыкантов, Народный дом с его незатейливыми развлечениями — вот место действия музы Заболоцкого. В его стихах звучал сатирически преобразенный мотив навязчивого мещанского романса. То и дело в них мелькают гримасничающие маски филистеров, живущих в душном, опустевшем мире. Он зажат со всех сторон стенами обывательской конуры, увенчан самоваром, этим первобытным божком, отражен в том самом «горбатом зеркале», в которое со страхом вглядывались посетители Народного дома.

Натюрморты Заболоцкого не просто густая словесная живопись, но живопись, сатирически направленная, несущая в себе оценку действительности. Добиваясь осязаемости образов, поэт одновременно стремился придать им смысловую углубленность. Его натюрморты изображают погубленную, разлагающуюся природу: омертвило ее прикосновение обывателя. Чтобы показать противоестественность обывательского уклада жизни, Заболоцкий то и дело остраивает его в карнавальном движении.

Ранние стихи и поэмы Заболоцкого подчинены карнавальному мироощущению. В стихотворении «Меркнут знаки Зодиака» ночной мир закружен в разухабистой пляске призраков и мертвецов. Восприятие пространства условно, не локализовано, ибо карнавал захватывает все и всех. Историческое время сдвинуто: фольклорная лешачиха танцует кекуок.

Толстозадые русалки
Улетают прямо в небо,
Руки крепкие, как палки,
Груды круглые, как репа.
Ведьма, сев на треугольник,
Превращается в дымок.

¹⁹ Литературное приложение (к «Ленинградской правде»), 1928, № 8, стр. 6.